

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ С ПРАГМАТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Матеуш Ковальский

Кандидат філологічних наук, докторант,
Факультет суспільних наук, Сілезький університет в Катовіце (ПОЛЬЩА),
ul. Bankowa 11, 40-07, Katowice (POLSKA); e-mail: matkow@op.pl
UDC: 81.0

ABSTRACT

Kowalski Mateusz. Methodological problems of historical semantics in terms of pragmatic functionalism

The main problem raised in the article is the question of the cognitive status of diachronic semantics as one of the historical sciences. Linguistic considerations are embedded in anthropocentric, pragmatic and functional ontology and epistemology, which treats the concept of the past, a historical fact or language activity – as functions of the human experience. Anthropocentric and relationistic nature of the methodology adopted by the author invites to explain certain aspects of the reconstructed language reality as so-called "replica " (or meta-worldview).

Keywords: anthropocentrism, replica, language experience, worldview, historical semantics.

Головною проблемою, порушеною у статті, є питання пізнавального статусу діахронічної семантики як однієї з історичних наук. Лінгвістичні розважання опираються на антропоцентричну, прагматично-функціональну онтологію і теорію пізнання, яка трактує поняття минулого, історичного факту чи мовної діяльності як функції людського досвіду. Антропоцентричний і реляціоністичний характер прийнятої автором перспективи схиляє до пояснення вибраних аспектів реконструйованої мовної дійсності як т.зв. репліки (метакартини світу).

Ключові слова: антропоцентризм, репліка, мовний досвід, картина світу, історична семантика.

Главной проблемой, затрагиваемой в статье является вопрос познавательного статуса диахронической семантики как одной из исторических наук. Лингвистические рассуждения опираются на антропоцентрическую, функционально-прагматическую онтологию и теорию познания, которая трактует понятия прошлого, исторического факта или языковой деятельности как функции человеческого опыта. Антропоцентрический и реляционистический характер принятой автором перспективы склоняет к объяснению избранных аспектов реконструированной языковой действительности как т.н. реплики (метакартины мира).

Ключевые слова: антропоцентризм, реплика, языковой опыт, картина мира, историческая семантика.

Текст и действительность – одно и то же – истина. Однако обладая и текстом, и действительностью, мы замечаем, что это не одно и то же; что что-то другое действительность и что-то иное текст. Однако, обладая только текстом, откуда нам знать, какова действительность?

Мартин Прайзнер

В настоящей работе обсуждаются методологические вопросы диахронической семантики как одной из исторических наук. Исходя из этого, свои рассуждения мы начем с не-

скольких необходимых замечаний, касающихся методологии истории, которые позволят нам ясно – как нам кажется – определить принятую нами исследовательскую позицию.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ – ПОПЫТКА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Ежи Топольский в своей книге *Методология истории* определил *исторический факт* как основной объект интереса историков. Одновременно он обратил внимание, что в научной литературе данное понятие воспринимается двояко. Во-первых (в духе позитивизма), оно определяется как объективно существующий (независимо от познающего субъекта) предмет научного исследования, причем данный предмет трактуется как что-то, реально существовавшее. С эпистемологической точки зрения в данном случае *исторический факт* становится научным конструктором, набором фактов, которые создают, согласно прошлым событиям, картину прошлого (что бы это ни значило).

Во-вторых (в духе субъективизма), отождествление исторического факта с научным конструктором привело к убеждению, что вся история является конструктором, бытующим в индивидуальном сознании исследователя. Данный подход влечет за собой отрицание существования объективной реальности (так что возникает вопрос: что было „поводом” для создания данного конструктора).

Топольский, отказываясь от обеих методологических позиций, предлагает принять третью – диалектическую позицию. В отличие от взглядов субъективистов, при данном подходе не отрицается объективная реальность. И все же, объективная реальность, как бы этого не хотели позитивисты, не является совокупностью готовых фактов, являющихся субстратом научной реконструкции. По мнению Топольского, «Можно предложить такое определение исторического факта, которое учитывает возможность одновременного существования объективной исторической реальности в качестве предмета исследования и творческой познавательной роли разума историка. (...) Данный подход предполагает, что историческая реальность настолько сложна и разнообразна в своих связях, что конструирование фактов является необходимой формой ее упрощенного познания, т.е. приближение к абсолютной истине происходит через приблизительные правды» [11, с. 185].

Представленные выше подходы заметно отличаются онтологической и эпистемологической трактовкой понимания объекта исследования. В связи с этим можно разделить их на три (из четырех выделенных О. В. Лещаком) типа методологической рефлексии¹.

Теория позитивистов (в частности Л. фон Ранке), в понимании которых целью исторических наук является констатация объективных фактов, создающих не подверженный каким-либо изменениям образ прошлого, поиск устойчивых закономерностей в истории, а также абстрагирование от психосоциальных оснований исторического процесса (как следствие принципа *независимости историка от влияния эпохи, в которую он живет*), можно отнести к широко понимаемому методологическому **феноменализму** (объективистскому апостериоризму)².

Подход Топольского, являющийся в какой-то степени продолжением идей В. Дильтея, предусматривает возможность познания абсолютной правды о прошлом в постоянном процессе «(...) сопоставления все лучше и лучше познаваемой исторической действительности и конструированных исторических фактов» [11, с. 185].

¹ Принятая нами типология методологической рефлексии была представлена в научной работе О. В. Лещака, [7] Автор выделил четыре типа методологической рефлексии в гуманитарных науках, к которым принадлежат: метафизика (априорический объективизм), феноменализм (апостериорический объективизм), индивидуализм (априорический антропоцентризм), ментализм (апостериорический антропоцентризм). Вышеуказанные типы были выделены на основе онтологической природы объекта научного исследования и принятых принципов его познания.

² Однако, у нас складывается такое ощущение, что постулаты т.н. *исторической школы* (как называл общее методологическое направление в области гуманитарных наук конца XIX века Вильгельм Дильтей) часто выходят за пределы, определяемые философским позитивизмом. Сама онтологическая природа прошлого остается здесь сильно неопределенной и, как можно догадаться, авторы против собственной воли попадают в ловушку объективного идеализма. Тем не менее, это вопрос требует более широкого исследования, безусловно выходящих за пределы темы настоящей работы. Однако следует добавить, что наиболее репрезентативный для феноменалистического мышления был сенситивизм Хейзинги, говорящий о познании прошлого с помощью сенсорного восприятия артефактов. Об этом более подробно писал Ф. Анкерсмит [1].

Тезис о существовании объективной исторической реальности, а также убеждение в возможности ее познания (или приближения к упомянутой исследователем «абсолютной истине») характерны для объективистского апостериоризма, а следовательно для **метафизики**.

Среди работ историков сложно найти такие, которые были бы репрезентативными для следующего типа методологической рефлексии, которую О. В. Лещак определяет термином **индивидуализм** (антропоцентрический апостериоризм). Его элементы в определенной степени можно найти в историософских идеях. Здесь следует упомянуть экзистенцию как источник историчности в понимании М. Хайдеггера. Непросто также – в контексте индивидуализма – представить себе историю как науку, в которой объектом исследования был бы *исторический факт*, понимаемый как априорный конструкт разума конкретной личности (нативизм, субъективный идеализм).

В дальнейшем попытаемся представить отличный от представленных подход – **прагматико-функциональный** (апостериорно-антропоцентрический), согласно которому широко понимаемое прошлое, являющееся объектом исследования исторических наук, понимается как **функция человеческого опыта**.

Основой функционального прагматизма (одной из разновидностей конструктивизма) являются две философские концепции чисто антропоцентрического характера. Здесь речь идет о трансцендентальном идеализме И. Канта и прагматизме У. Джеймса. Обе концепции, согласно которым источники познания следует искать в человеческом опыте, предполагают существование граничной точки, которой является непознаваемая для субъекта *вещь-в-себе*. Этот последний элемент онтологической цепочки, образно говоря, является субстратом, который в ходе познавательной деятельности подвергается непрерывным интерпретациям, «втиснутым» в рамки человеческой сенсорики и интеллекта. Таким образом мы имеем дело не с *миром самим в себе*, а с конструктами нашего ума, а лежащая вне границ наших познавательных возможностей *вещь-в-себе* является только «поводом», стимулом к постоянному созданию новых конструктов.

Две составные части названия представляемого нами методологического направления определяют его гносеологическую и онтологическую направленность. *Прагматизм* – в этом понимании – содержит тезисы о телеологическом (ориентация на цель) и деятельностном (ориентация на действие) принципах, определяющих позицию исследования. Определение *функциональный* обозначает, что каждый объект научного исследования рассматривается как отношение (функция).

Неслучайным является также принятый нами порядок составных элементов названия. Он указывает на «преимущество» познавательного аспекта над онтологическим. Это, очевидным образом, является продолжением идей Канта, для которого онтология не существовала как самостоятельная (независимая от эпистемологии) первая философия. Однако невозможно говорить об онтологической природе бытия в отрыве от познавательных возможностей субъекта. Так же, как у Канта, вещь не существует самостоятельно и независимо от познающего субъекта, так и в прагматико-функциональной методологии объект научного познания должен рассматриваться как элемент *действительности для нас*.

На данные антропоцентрические основания мы хотели бы опереть некоторые постулаты (относящиеся к историческим наукам, в том числе, к исторической семантике), обладающие в значительной степени аксиоматическим характером. Согласно им:

а) прошлое и находящийся в нем исторический факт (как объект научного исследования) не существует объективно, а является функцией человеческого опыта (является когнитивным конструктом, создаваемым в индивидуальной психике субъекта путем его социальной деятельности);

б) исследователь совершает реконструкцию исторического факта, рассматривая его через призму собственной опытной компетенции (здесь речь идет о культурном, языковом сознании и других его проявлениях);

в) не существует (соответственно вышеприведенному) непосредственный путь, который позволяет «войти» в культурную и языковую компетенцию прошлых поколений.

Далее вышеуказанные постулаты будут подвергнуты тщательному анализу. Однако прежде чем перейти к этому, подведем итоги представленных выше рассуждений и схе-

матически представим основные черты четырех базовых типов методологической рефлексии в исторических науках:

ТИПЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ

ОБЪЕКТИВИЗМ	
АПРИОРИЗМ	диалектика – прошлое существует объективно в качестве идей, событий, фактов, познание которых возможно путем рациональной рефлексии или интуитивно
	позитивизм – прошлое существует объективно в виде материальных фактов (следов, артефактов, документов), реконструкция и осмысление которых происходит путем логико-эмпирических процедур
	субъективизм – историю создает индивидуальный ум по произвольным предпосылкам
	функциональный прагматизм – прошлое является функцией человеческого психосоциального и семиотического опыта, возникающей в процессе критического аналитического объяснения
АНТРОПОЦЕНТРИЗМ	
АПОСТЕРИОРИЗМ	

2. О ПЕРВИЧНОМ ПОНЯТИИ

Перед тем, как осуществить попытку определения категорий прошлого и исторического факта, следует сделать несколько существенных замечаний, касающихся понятия **отношение**, которое с точки зрения прагматико-функциональной методологии является понятием первичным. В самом начале стоит отнестись к позиции О. В. Лещака (ведущего представителя принятой в данной работе научно-исследовательской ориентации), который в своей книге *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia* полемизировал с Ю. Коссецким (автором книги *Metacybernetyka*, создателем качественной теории информации) по поводу первичных понятий.

По мнению Ю. Коссецкого, [4] первичными понятиями для всякой металогии следует считать: **элементарный объект**, **отношение** и **множество**. Анализируя понятия объекта и множества, О.В. Лещак предположил возможность двойственной интерпретации их отношений. Они могут быть поняты в **структурно-системном** или **полевом** плане. Первый способ организации заключается в том, что вся совокупность явлений (сущностей) может быть сведена к понятию элементарного объекта, а совокупность элементарных объектов, объединяясь по парадигматическому принципу отношений сходства на основании системной оппозиции **частное – общее**, дает категорию множества (возможна и обратная процедура выведения элементарного объекта из множества путем его расщепления на основании того же принципа отношения общего к частному). Второй способ организации заключается в редукции всего до понятий элементарного объекта и множества **как среды соприсутствия** таких объектов на основании отношений смежности. В этом случае между объектом и средой (множеством) устанавливается отношение **часть – целое**, а между самими объектами – отношения синтагматического плана.

Таким образом оказывается, что некоторые из выделенных Ю. Коссецким первичных понятий можно легко подвергнуть дальнейшей редукции и свести их к друг к другу. Из представленных рассуждений вытекает, что основную функцию в логической организации нашего возможного опыта выполняет только **отношение** как несводимое ни к чему другому. **Множество** это не что иное, как отношения между его элементами и другими множествами, а **элементарный объект** представляет собой отношение к множеству и другим объектам. Трудно рассматривать также **объект** в отрыве от **среды**, частью которой он является, а также лишить его отношений, которые связывает его с другими входящими в полевое целое элементами.

Таким образом, ни элементарный объект (существующий только в взаимоотношениях с другими объектами), ни множество (являющаяся соотношением объектов) не могут быть приняты в качестве первичных понятий. Данную роль, по мнению О.В. Лещака, могут выполнять только **отношения**. Для их выделения не нужны такие конкретизаторы, как

объект или множество, т.к. вполне достаточным является утверждение, что отношения связывают между собой другие отношения и при такой сугубо реляционистической трактовке в логическом поле исследования не оказывается ничего, кроме отношений. Все остальные сущности выводятся уже из отношений, т.е. являются какой-то разновидностью отношений.

В связи с антропоцентрической направленностью функционального прагматизма нельзя пропустить еще одно, на самом деле самое важное отношение, возникающее между *познающим субъектом* и *объектом познания*. Как было упомянуто выше, суть объекта зависит от человеческих познавательных способностей. Слабость таких понятий, как объект и субъект, в качестве первичных состоит в том, что одно без другого не может существовать. Придав объекту онтологическую автономию, мы рискуем выйти за пределы реальности возможного опыта. Уходя из предметного поля опыта, объект перестает быть объектом. Но и субъект без объекта и направленных на него действий перестает быть субъектом, становясь чистой духовной субстанцией. Таким образом категория субъектно-объектных отношений конституирует также и эту пару сущностей.

Чтобы более точно объяснить данную зависимость, следует обратить внимание на два вторичных понятия, имплицированных отношением между объектами, а также между объектом и субъектом – **субстанция** и **процесс**. Оба рассматриваются на категориальном уровне. **Субстанцией** называем, то, что представляет собой собственно объект пространственных отношений (то, что связано), **процессом** назовем же сам акт связывания или разобщения таких объектов во времени. Только на таким образом подготовленной когнитивной (или, скорее, предкогнитивной) почве мы можем провести такие чисто интеллектуальные операции, как анализ и синтез опытного поля (объединение элементов в одно целое, выделение/абстрагирование части из целого и т.д.).

Субстанция и процесс в данном случае не воспринимаются в качестве реального бытия и функционируют как концептуальные конструкторы, оказывающие влияние на интерпретацию объектов человеческого опыта как *нечто* (quidditas) или *акт* (действие). В первом случае мы можем идентифицировать и категоризировать разнообразные объекты нашего опыта, т.е. локализовать объект в предметном пространстве опыта и приписать ему конкретные свойства и атрибуты. Во втором же случае мы можем поместить объект познания в темпоральный континуум и отслеживать его изменения и воздействия на другие объекты. Кроме того именно понятие процесса позволяет выделить в поле опыта элементарные субстанциально-процессуальные взаимоотношения и собрать их в очерченные пространственно-временные множества – события. Последние лежат в основе структурирования и трансформации относительного континуума в событийное поле, то есть, в текущую действительность, которая и становится основой существования прошлого как элемента человеческой картины мира.

Пример гуманитарных наук требует введения дополнительной степени осложнения взаимоотношений **познающий субъект – предмет познания**. Объектом исследования становится человек как общественное существо вместе с совокупностью результатов его деятельности. Достаточно упомянуть хотя бы проявления человеческого сознания (психология, когнитивистика), общественную активность (социология, антропология, история, культурология), язык и коммуникацию (лингвистика, семиотика), артефакты (филология, археология).

Однако главным предметом интереса в данной работе является историческая семантика, а объектом научного исследования – реконструированная на основе текстов прошлая картина мира (или, точнее, прошлые картины мира). Придерживаясь рационалистической и антропоцентрической точек зрения, нужно подчеркнуть, что единственным реальным пространством существования языка (так же, как и картины мира) является индивидуальная психика человека. Функциональный прагматизм очень далек от модного в современной лингвистике гипостазирования понятия языка и определения его как абстрактная¹ (внесубъектная), социально реализованная система знаков. К этому вопросу будет

¹ В современном языкознании принято пользоваться термином «абстрактный» в онтологическом значении. Предполагаем, чтобы данный термин трактовать как синоним слова «объективный» и «внесубъектный» в онтологическом значении. Однако, следует подчеркнуть, что представители генеративизма объектом научного исследования считают язык языковедов – научный конструкт, возникший в результате абстрагирования (в методологическом значении) и обобщения данных из высказанных и написанных текстов.

еще возможность вернуться. Тем не менее, тут следует задуматься над решением другой, более существенной проблемы, которой является методологический диагноз исторической семантики. Если объект научного исследования является порождением человеческой психики (системы понятий, представлений и т.д.), то каким образом этот объект нам – исследователям – является? Не особо хочется верить в возможность «проникновения» в наше сознание мысли другого человека. В соответствии с принципами функционального прагматизма мысль другого человека непосредственным образом нам недоступна (как *вещь-в-себе*). Следовательно она должна быть нам дана как конструкт, создаваемый путем интерпретации определенных субстратов (артефактов, звуков человеческой речи, записи, семиотических сигналов и т. п.). Здесь, наконец, следует ввести два следующих понятия, которые дополняют прагматико-функциональную онтологию. Речь идет об **энергоматерии** и **информации**. Это различие важно с точки зрения характера бытия данной нам действительности. Так, энергоматерией может считаться любой из объектов человеческого опыта, который может быть воспринят сенсорным путем. Как пишет О.В. Лещак: «Для своего существования энергоматерия не требует ничего, она по определению является абсолютным бытием» [6, с. 423-434]. Конечно это определенная мысленная редукция, потому что в рамках познавательной деятельности сенсорики (основанная на апперцепции) взаимно связана со способностями чистого интеллекта. Следовательно, в сенсорном опыте мы имеем дело фактически не с самой материей, а с информацией об энергоматерии. Информация же, в отличие от самой энергоматерии, имеет характер отрицательный, а в ее основе лежат два типа дифференциации:

- а) субъекта и объекта;
- б) самих объектов.

„Информация, – пишет О. В. Лещак, – возникает только там, где возникают эти различия. Мир, в котором нет ни одного субъекта, т.е. мир, в котором некому ощущать, переживать, изъявлять волю и мыслить, является миром вещей самих в себе, миром вещей не-данных, собственно говоря, неизвестно, чем он является. То же можно сказать о мире чистого субъекта (в котором нет места объектам), т.е. о мире чистой мысли или чистого переживания. Если нечего ощущать, переживать или хотеть, не о чем мыслить, то такой беспредметный мир также есть мир энigmatичный и невозможный для воображения. Только установление различия между объектом и субъектом создает первое необходимое условие для возникновения информации. Таким образом информация это всегда чья-то информация о чем-то, а значит представляет собой логически негативную сущность» [6, с. 434].

Семиотическая реальность прошлых поколений, являющаяся объектом исследования исторической семантики, имеет чисто информационный характер. Следует ответить на выше поставленный вопрос: каким образом мы можем познать ментальные конструкты другого человека?

3. К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОЙ КАРТИНЫ МИРА

В соответствии с положениями прагматико-функциональной методологии человеческий опыт обладает дуалистическим характером, а в его рамках следует выделить две сферы: **индивидуальную** (внутренне мотивированную) и **социальную** (внешне мотивированную).

Иммануил Кант в *Антропологии с прагматической точки зрения* обратил внимание, что смысл нашей человечности нам не дан свыше и не врожден (не дан *a priori* – как хотят натуристы), а формируется отдельными *особями* (в видовом, биологическом смысле) в рамках социальной деятельности. То, что делает нас людьми не в видовом (энергоматериальном), а в эссенциальном (информационном) смысле, – это *человечность*, приобретенная в нашем интерперсональном опыте. Это в каком-то смысле подтверждение мысли Аристотеля о том, что человек является существом, созданным для жизни в обществе. Поддерживая точку зрения антропоцентрического реляционизма, невозможно согласиться с реальным статусом существования общества (как и отдельных социальных институтов – общего языка, языковой картины мира, культуры и т.д.), так как в принятой здесь методологии это не более чем гипостазированные понятия. Чтобы подчеркнуть отличие от приписываемого им объективного, внепредметного существования, мы сосредото-

точимся только на **общественном, языковом, культурном опыте людей** как на **функциях человеческого опыта**.

Попытаемся ответить на вопрос: каким образом в рамках социального опыта формируется некая особая связь, которую когнитивная лингвистика определяет термином языковая картина мира.

Несмотря на кажущуюся тривиальность утверждения, что нет двух одинаковых человеческих сознаний, в исследованиях языковедов очень часто этот факт не учитывается или же к нему относятся с определенной долей пренебрежения. Это особенно удивляет в когнитивных исследованиях, которые уделяют особое внимание так называемой языковой относительности, которую в качестве исследовательской гипотезы ввел в I половине XX века Э. Сепир. «Люди, — как утверждает американский лингвист, — живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. (...) В действительности же „реальный мир“ в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками. (...) Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [16, с. 261].

Приведенные выше слова Э. Сепира, вдохновленные мыслью фон Гумбольдта, являются одним из первых свидетельств совершившегося поворота в мышлении о языке, который привел к появлению в 70-х годах прошлого столетия нового направления в лингвистике и антропологии — когнитивизма. Данный поворот, разумеется, был направлен против доминировавшего со II половины XIX века формализма — в виде лингвистического позитивизма и структурализма. Оба типа научной рефлексии (несмотря на ряд методологических и теоретических различий) в качестве главного момента лингвистического анализа принимали его формальную, а не ментальную (смысловую, психологическую, когнитивную) сторону. Интерес когнитивистов к анализу понятийной сетки дал начало исследованиям языковой категоризации действительности, основанной на абстрагировании от т.н. прототипов, и, наконец, в сочетании с гипотезой языковой относительности Сепира-Уорфа, описании языковых картин мира различных этнических групп.

Этот — казалось бы — антропоцентрический поворот в лингвистических исследованиях оказался, на наш взгляд, мнимым. Чтобы объяснить этот момент, приведем несколько фактов из истории лингвистики. Приобретение ею самостоятельности и независимости от логики и философии произошло во время, когда довольно сильное влияние оказывал европейский романтизм. Бопп был убежден, что добаться до источников человеческой речи обозначает раскрыть тайну и природу человеческого духа. Также Гримм в изучении истории языка искал метод обнаружения первичного *национального духа*. Отсюда XIX столетие стало золотым веком поисков т.н. праязыков, а самым известным достижением ученых того периода была реконструкция праиндоевропейского языка (чем бы он не был). Раск, Бопп или Шлейхер пытались ввести лингвистику в сферу естественных наук. Гарантом результатов их исследований должны были быть методы, взятые из естественной истории, сама же лингвистика воспринималась в качестве сравнительно-исторической науки. Шумную в это время теорию Дарвина попытались перенести на почву исследований происхождения языков. В результате сравнивали и реконструировали первичные словоформы, совершали классификации языковых семей, а иногда предпринимали попытки формулировать законы их эволюции (К. Бругман, А. Лескин, Г. Пол).¹

Доминирующий в лингвистике XX века структурализм (с полным спектром его разновидностей) сосредоточивался также на формальном анализе языка. Несмотря на то, что со времен выпуска *Курса общей лингвистики* де Сосюра (1916 год) язык воспринимался как система абстрактных знаков, а знак должен был быть сочетанием понятия и формы, эту первую из сторон не учитывали в исследованиях как проявление немодного уже в то

¹ На самом деле правила фонетических изменений (определяемые лингвистами XIX века термином *права*) имели характер исторической генерализации.

время психологизма или из-за методологического скептицизма (выраженного в историко-лингвистическом контексте).¹

В этом «формоцентрическом» духе развивались направления европейской и американской лингвистики: глоссемантика, тагмемика, дескриптивизм, генеративизм, трансформационная лингвистика

Поворот, осуществленный когнитивисами, позволял надеяться на разрыв с определением языка как абстрактной формальной структурой. Тогда лингвистика показала разнообразные реальности, которые «отражаются» в грамматической и лексической структуре. Появился ряд работ (статей и монографий) о языковой картине мира многих народов, этнических и социальных групп и т. д. Однако многие забыли, что основы языкового опыта находятся в индивидуальных человеческих психиках. А ведь это мнение не было совершенно новым. В течение более сорока лет своей научной карьеры говорив об этом польский лингвист Бодуэн де Куртэнэ, а его работы не только предвосхищали, но в ряде случаев и превосходили известные труды Фердинанда де Соссюра, занимавшего очень похожую методологическую позицию.² Ниже приведем несколько примеров высказываний Бодуэна, свидетельствующих об однозначно антропоцентрическом подходе:

«Человеческий язык, человеческая речь существует только в мозгу, существует только в „душе“ человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в различных направлениях» [12, с. 59] или: «Строго говоря, термин „язык“ в значении чего-то однородного и нераздельного можно применять только к языку индивидуальному. Однородный племенной язык представляет фикцию. Существуют только языковые территории, языковые области, языковые миры, сплошные или прерываемые. В такой языковой области мы встречаем различные говоры или диалекты, точнее – области говоривших или диалектические области, а как реальные существа – индивидуальные языки» [13, с. 75-76].

Поэтому реконструкция языковой картины мира должна начинаться с исследования идиолекта – индивидуального языка, но при этом учитывая многократно упомянутый нами постулат, согласно которому исследователь не имеет непосредственного доступа к сознанию другого человека. Следует это подчеркнуть, так как это является первым существенным познавательным ограничением в науке о языке (как в синхронном, так и в историческом аспекте). Чтобы выяснить этот методологический вопрос, мы предлагаем провести анализ процесса языковой коммуникации.

Фердинанд де Соссюр – как считается – прославился различением языка и речи. Одновременно он выделил три существенные для этой концепции понятия: **langage** (языковая деятельность, общий процесс семиотической коммуникации), **langue** (язык понимаемый как существующая в человеческой психике система символов-инвариантов и моделей их использования), а также **parole** (вербальная активность, устная речь, высказывание). Невозможно не заметить, что **langue** и **parole** представляют собой две стороны отношения, которое определяется как **langage**. Языковая деятельность не может существовать без потенциальных знаний (навыки соединения языковых знаков в определенные структуры – синтагмы, предложения, тексты и т. д.), а также без создания сообщений – сигнального психофизиологического потока, а в итоге – потока физических сигнальных предметов (напр., в виде звуков или графических изображений), являющихся материальным субстратом, подвергаемым интерпретации собеседником (опять же, на основе потенциальных языковых знаний, т.е. **langue**). Следовательно, языковая коммуникация основана на непрерывной **интерпретации** материальных субстратов, которые только благодаря ей приобретают семиотический характер (воспринимаются как **знаки**). Итак, семио-

¹ Структуралисты сосредоточились на историко-лингвистической проблематике и отказались от исследований ментальной (когнитивной) сферы, так как считали ее неподверженной верификации [ср. 3, с. 33-34].

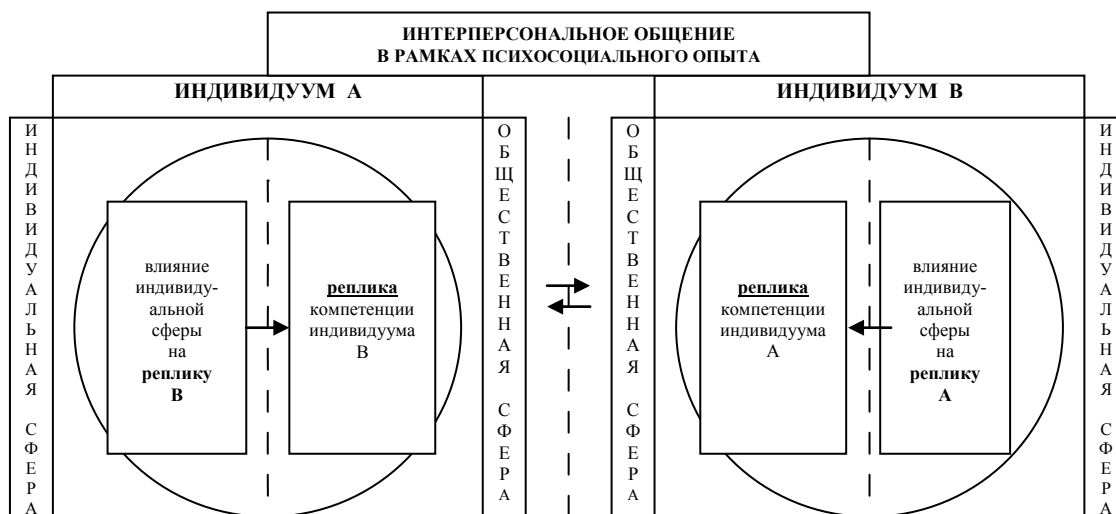
² Работы Фердинанда де Соссюра, швейцарского ученого (который считается отцом современного языкознания) воспринимались многие десятилетия сквозь призму работы «Курс общей лингвистики» (созданной на основе конспектов учеников де Соссюра и подписанный его фамилией). Как оказалось, его взгляды, ассоциирующиеся до сих пор с концепцией Дюркгейма, были далеки от каких-либо проявлений методологического объективизма. Доказательством этого являются собранные и опубликованные под названием *Заметки по общей лингвистике* оригинальные конспекты де Соссюра найденные в его личной оранжерее. Они дают нам совершенно другой образ научной мысли этого лингвиста, которая близка к идеям Канта, Тарда, Джеймса. Еще более однозначно антропоцентрическими оказались взгляды, выраженные Соссюром в черновике его книги, найденной в 1996 году, озаглавленной «De l'essence double du langage».

тическая действительность формируется только в пределах индивидуальной психики субъекта. Тогда откуда нам знать, что наши мысли, впечатления или предложения были адекватно восприняты собеседником? Прагматико-функциональный подход далек в этом плане от концепции Р. Якобсона, который, объясняя свою схему речевой коммуникации предполагал – по крайней мере косвенно – идентичность адресанта и адресата. Однако, если вспомним указанную нами двойственность человеческого опыта, мы должны будем учесть не только влияние социальной сферы на индивидуальную, а также и обратное направление – воздействие нашего индивидуального опыта на восприятие «навязываемых» нам норм, конвенций и социальных институтов – в том числе языка. Доминирующий в лингвистике анализ форм, способствует укреплению убеждения об идентичности адресанта и адресата, о тождестве скрытых смыслов, содержащихся в, казалось бы, идентичных языковых формах. И даже тогда, когда речь идет о разнообразии языковых картин мира, мы выходим за границы методологической метафизики (пользуясь терминологией О. В. Лещака), потому что приписываем «семиотическую идентичность» гипостазированной этнической общине – все равно, будут ли это поляки, жители Силезии, жители Катовице, шахтеры и т. д. Поэтому можем ли мы говорить об идентичности картин мира поляков в возрасте восьмидесяти и восемнадцати лет? Или данное разнообразие может быть на самом деле вызвано региональной принадлежностью и можно ли говорить о разных картинах мира у жителей Силезии и Малопольши? И если да, то конкретно которых жителей? Будет ли обладать мазовецкий фермер в возрасте тридцати лет такой же языковой картиной мира как тридцатилетний кандидат гуманитарных наук или инженер, или же депутат парламента? Сомнительно.

Понятно, что наука стремится к обобщениям. Однако эти обобщения не должны быть проведены любой ценой, и, конечно, не на основании сомнительных методологических и методических приемов.

В рамках антропоцентрической точки зрения самым правильным, на наш взгляд, кажется мнение, что исследователь языковой картины мира рассматривает объект научного исследования сквозь призму его языковой компетенции, культурных стереотипов, которые присущи его сознанию и которые его формируют, наконец, сквозь призму норм, которые нельзя нарушать. Кроме того, мысли другого человека, которые тот пытается (или не пытается) нам передать, доходят до нас не непосредственно, потому что информацию невозможно передать так, как материальный коробок спичек или ручку. Единственным местом существования информации является человеческая психика, т.е. мое знание (предположение) о состоянии ума собеседника, которое становится фактически **информацией об информации**. И здесь речь не идет о какой-то идентичности. Отсюда же знания о т.н. языковой картине мира (и, прежде всего, **научные знания**), являющиеся методично направленной рефлексией о ментальных конструктах (информационных сущностях), становятся **образом чьей-то картины мира**, который мы предлагаем назвать термином *реплика*.

Эту познавательную зависимость можно представить в виде схемы:

Именно реплика, в нашем понимании, является механизмом, позволяющим создавать ряд норм и социальных институтов. На пути непрерывной проверки состояния наших знаний о языке (проверки индивидуальных картин мира) мы считаем (верим), что наше «белое», это также ваше «белое», что наше «хорошее» и «правильное» также и для вас «хорошее» и «правильное» и под. Образ сознания другого человека, данный нам в качестве реплики, позволяет на сотворчество общественных алгоритмов поведения, – т.е. культуры или цивилизации (конечно, мы понимаем, что данная дефиниция является поверхностной). С онтологической точки зрения реплика является субстратом общественного опыта в рамках индивидуальной психики (так же, как лингвосемиотический опыт, при помощи которого мы создаем наши картины мира, является реальной базой социального опыта). Реляционистическая и антропоцентрическая точка зрения тут реализуется в полной мере.

До сих пор мы рассматривали разнообразие языковых картин мира адресанта и адресата в синхронной перспективе, которая позволяет осуществлять широко понимаемую верификацию нашего текущего (актуального) опыта. Совсем иначе данная проблема представляется в исторической перспективе, в которой ряд абстрагированных из записей языковых структур, лексических единиц, и, наконец, форм и значений (важных для исторической семантики) оказывается для современников недоступными, а значит неверифицируемыми оказываются содержание и смысл этих письменных сообщений. Нас заинтересовал вопрос метода реконструкции лексических значений исторических языковых форм, однако должно ему предшествовать объяснение двух ключевых понятий – **прош- лое и исторический факт**.

С прагматико-функциональной точки зрения прошлое, о чем мы уже вспомнили, является одной из функций человеческого опыта. Это означает, что прошлое как объект научного познания – это всего лишь ментальный конструкт, результат критического анализа исследователя. Прошедшие события, история как их совокупность, т.е. прошлое, интуитивно определяемое как **то, что было**, в научном исследовании прагматико-функционального типа оставляем за пределами возможного опыта и рассматриваем как непознаваемую *вещь-в-себе*. Нам не дана не только системная целостность прошедших событий или целостность каждого из таких событий, но и самотождественность составляющих эти события фактов (лиц, предметов, их свойств и атрибутов, поступков и происходящих с ними процессов, отношений между этими объектами и субъектами, процессами и характеристиками), и даже вещественная самотождественность физических объектов (многократно археологи затрудняются определить найденный артефакт).

Однако возникает вопрос: как исследовать то, чего для нас (а значит, фактически) нет? Единственной возможностью построения прошлого (в качестве ментальной модели) является интерпретация материального субстрата в виде артефактов, которые некоторые методологи исторических наук понимают как следы прошлых эпох. Конечно след может дать нам представление о несуществующем уже оригинале или источнике (в качестве примера нам приходит в голову палеонтология), однако сложнее судить о феноменальных или сущностных свойствах оригинала или источника семиотической действительности как информационных функций.

Неоднократно мы полемизировали с историками на тему адекватности реконструированной прошлой реальности (такой, какой она «объективно была») на основе текстов, представляющих образ прошлого, или текстов, представляющих прошлый образ своего настоящего. Ведь описание прошлого или прошедшего настоящего заключается в тексте. Но что такое текст? Чем на самом деле являются записи на камне, пергаменте или бумаге? Анализируя процесс коммуникации, мы подчеркивали важность интерпретации материального субстрата, которая позволяла – на основе знаний о языке (*langue*) – восприятие его в качестве семиотического явления (знака). Однако следует отметить, что ни один материальный субстрат – звук, чернила, углубление на поверхности – не является сам по себе семиотическим явлением. Это просто физический предмет, феномен. Семиотические свойства такие предметы обретают только в сознании наблюдающих их людей, обладающих соответствующим семиотическим кодом. Звук или звукоряд должен стать вокальной фигурой, которая внутри человеческой психики может быть определена как форма, соотношенная с понятием, что позволяет трактовать всю ситуацию как знаковую. Однако для этого в нашей психике должны содержаться инвариантные системы знаков, являю-

щиеся ничем иным, как отношением между двумя сторонами: понятийной (концептуальной) и формальной (напр., звуковыми фигурами, которые могут являться формой языкового знака). Однако следует отметить, что ни само понятие (вне отношения с формой), ни сама форма (без связи с понятием) не обладают семиотическим характером (не являются знаками).

Структуры понятий и форм, механизмы их использования, приписываемые им значения в различных ситуациях и контекстах (прагматика знака) составляют языковую картину мира человека (в данном случае исследователя, который только сквозь ее призму интерпретирует артефакты – рукописи, надписи, печатные издания и т.п.). Поэтому исследователь относит материальные субстраты к собственным языковым знаниям/компетенциям и определяет их через призму собственных когнитивных моделей и структур. В связи с этим текстом будем называть не следы чернил на бумаге, а их интерпретацию, выполненную на основе языковых компетенций конкретного индивидуума.

В связи с этим, что было выше сказано, нам очень близок методический постулат Бодуэна де Куртенэ о т.н. ретроспективном исследовании и объяснении истории языка – начиная с современности, заканчивая более древними временами. Ведь известно, для меня более близок польский язык моего деда и прадеда, нежели язык, которым пользовался Собеский, Морштын, Пасек или Рей. Опять следует вернуться к вопросу границ познания исторической семантики. На сколько свободны мы в интерпретации и приписывании значений отдельным языковым формам? Действительно ли формы *chleb*, *chleba* обладали идентичным оттенком значения у моего прадеда (консервативного человека, католика) и у меня (вовлеченного в информационно-потребительскую культуру агностика)? Приписывал ли мой прадед форме *chleb* то же самое значение, что пользователи польского языка в эпоху возрождения или средневековья. А те, кто во времена средневековья пользовались формой *chleb*, имели в виду именно то же, что и праславяне, говоря **chlěbъ* и праиндоевропейцы произнося слово **skhloibos* (если эти реконструкции не только формально верны, но и представляют единицу, которая существовала и функционировала в те времена)? Именно так предполагает К. Длугош-Курчабова в *Этимологическом словаре польского языка*.

Следовательно, объектом исследования исторических наук – в прагматико-функциональном подходе – является не объективно воспринимаемое прошлое, а научный конструкт, определяемый как прошлое и включающий в себя ряд интерпретаций и обобщений и, как следствие, – исторических фактов.

Ежи Топольский, обращаясь к терминологии, разработанной историографией, предлагал различать исторический факт, который является частью объективно существующего и подверженного научному исследованию прошлого (в объективистском духе), от факта историографического, являющегося результатом анализов (проводимых на основании эмпирических и неэмпирических данных). Целью историка является, по мнению познательского исследователя, установление изоморфизма обоих фактов. Следует обратить внимание на то, что более или менее открыто здесь предполагается возможность добраться до «оригинала». Принятая нами исследовательская позиция позволяет утверждать, что этот «оригинал» уже не существует и поэтому принципиально не может находиться в поле нашего возможного опыта. Чтобы не преумножать понятий и терминов без необходимости, можно отказаться от сопоставления исторических и историографических фактов и сказать, что исторический факт является результатом интерпретации и обобщения данных, подвергаемых исследованию в процессе создания картины прошлого.

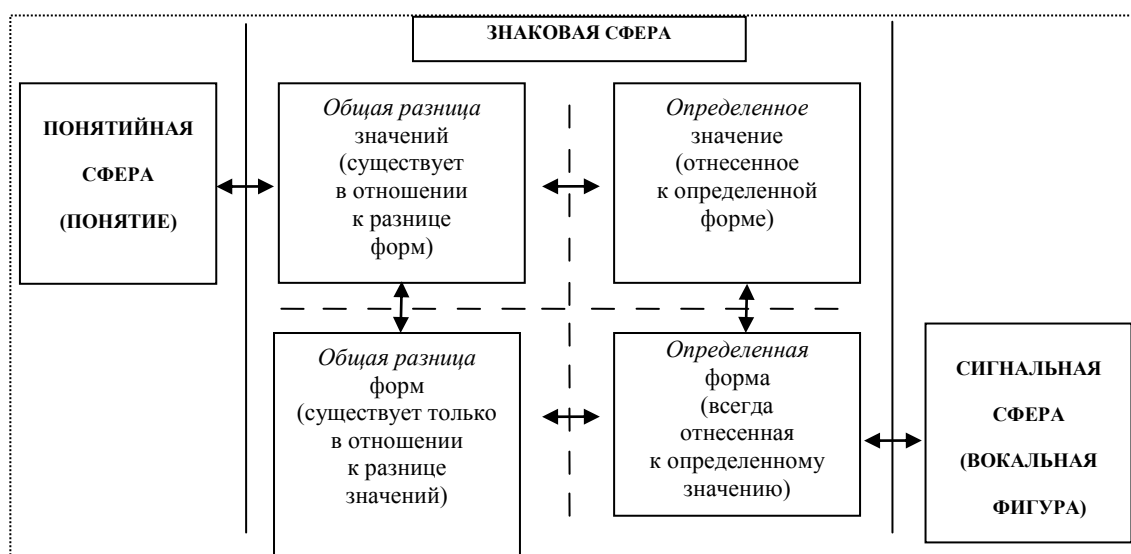
4. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ ПОНЯТИЙ

Концептуальный анализ, как предложенный нами метод исследования исторической семантики, является попыткой установления семиотического соотношения между двумя аспектами языкового знака – формальным и концептуальным. В предыдущих рассуждениях мы пытались подчеркнуть, что знак как информационная сущность существует только в психике человека. Однако ни форма, ни понятие не имеют сами по себе семиотической природы. При этом они не являются, как часто считают в современной лингвистике, имманентными составляющими языкового знака, т.е. знак не образуется простым объединением двух элементов, создающим новое целое. Знак является функ-

цией вовлеченной в сложную сеть отношений между рядом понятий и форм. Эту зависимость наиболее точно, на наш взгляд, разъяснил Фердинанд де Соссюр, определив языковой знак, как:

определенное значение (а), отнесенное к **определенной форме** (облигаторно отнесенной к определенному значению) (б), а также **совокупность различий между значениями** (в), отнесенными к **совокупности различий между формами** (облигаторно отнесенной к совокупности различий между значениями) (г), при этом каждое такое **определенное значение** (а) взаимно соотносено с **совокупностью различий между значениями** (в), а каждая такая **определенная форма** (б) взаимно соотносена с **совокупностью различий между формами** [см. 8, с. 54].

Чтобы подчеркнуть реляционистский характер языкового знака, можно дополнить схему, представленную в *Заметках по общей лингвистике* [8, с. 57] вынести за скобки понятийную (когнитивную) и фигуративную (сигнальную) сферы (вокальная фигура действительно может быть интерпретирована как формальная сторона знака как целого – поскольку форма, по мнению Соссюра, также является информацией):

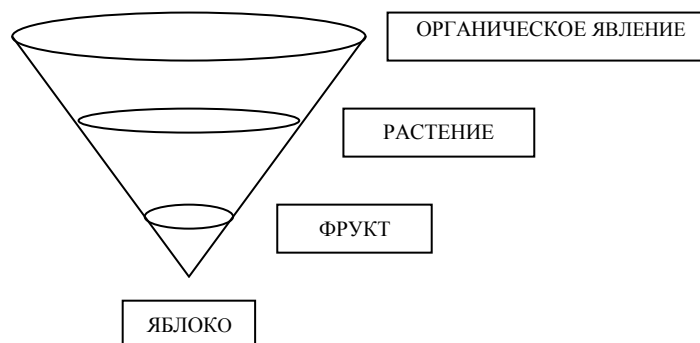

Вокальная фигура – это сигнальная психофизиологическая сущность, акустико-артикуляционное представление о звуках, которыми можно выразить определенный смысл. Соссюр определял эту сферу как постсемиотическую, в отличие от понятийной сферы как предсемиотической. Самым важным для концептуального анализа является вопрос, чем является понятие. Философия, как и психология предлагают огромное количество подходов и дефиниций, которые невозможно представить в этой работе. Поэтому перейдем к объяснению структуры понятия с прагматико-функциональной точки зрения.

В первую очередь следует заметить, что понятие не может квалифицироваться как «монадическая» сущность, а должно трактоваться как сложная функциональная структура, в которой, согласно пониманию О. В. Лещака, можно выделить две основные области – **категориальную** и **референтивную**. Первая, основанная на отношениях сходства, организует в понятии классификационные черты объекта, начиная от самых конкретных, заканчивая самыми общими. И. Кант говорит в данном случае о высших и низших понятиях – так, например, понятие «яблоки» является понятием низшим в отношении к понятию «фрукты». Это понятие, в свою очередь, ниже в отношении к понятию «растения». Понятие высшее, в отношении принадлежащему ему низшему, Кант определяет термином *род*. Понятие низшее, в отношении к понятию высшему, Кант определяет термином *вид*. Существенным является утверждение, находящееся в «Логике» Канта, что: «Как понятия высшие и низшие, так, следовательно, и понятия родовые и видовые различаются, таким образом, не по своей природе, но лишь в смысле их отношения друг к другу (*terminia quo* или *ad quod*) в логической субординации» [14, с. 352]. Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что категориальный аспект понятия заключается в обобщении особенностей и единичных предметов по принципу сходства. Более узкое понятие входит в содержание

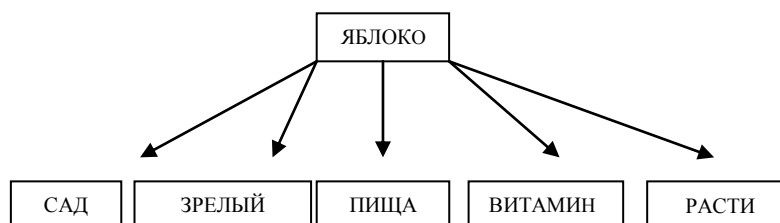
более широкого понятия. Графически эту зависимость можно представить в форме т. н. концептуального конуса, который был введен О. В. Лещаком в работе «Языковая деятельность» [15, с. 188-16].

Категориальный аспект понятия ЯБЛОКО

Совсем по-иному построены отношения информационных единиц в референтивной области. В этом случае мы говорим о понятиях, содержание которых, несмотря на взаимные отношения, не входят в содержание понятий высшего ряда. Другими словами: между ними нет сходства (на основе которого понятие становится обобщением характеристик), зато есть пространственно-временная или функционально-атрибутивная смежность. Так, напр., в случае упомянутого выше понятия «яблоки» на референтивном уровне можно отметить смежность с такими понятиями, как: «сад», «сок», «витамины», «здоровье», «питание», «есть», «расти», «вкусный», «зрелый» и т.д. Это полевые, а не классификационные черты (как на категориальном уровне):

Референтивный аспект понятия ЯБЛОКО

Конечно, каждое понятие *а*, *б*, *в* и т.д., являющееся сходным с понятием *А* имеет свой категориальный и референтивный уровень отношений. Отсюда общее соотношение понятий – их система или сетка – обладают размытым характером и невозможно однозначно определить границы между понятиями. Однако следует отметить, что единственным центром совмещения этих черт в пределах опыта является индивидуальный человеческий разум.

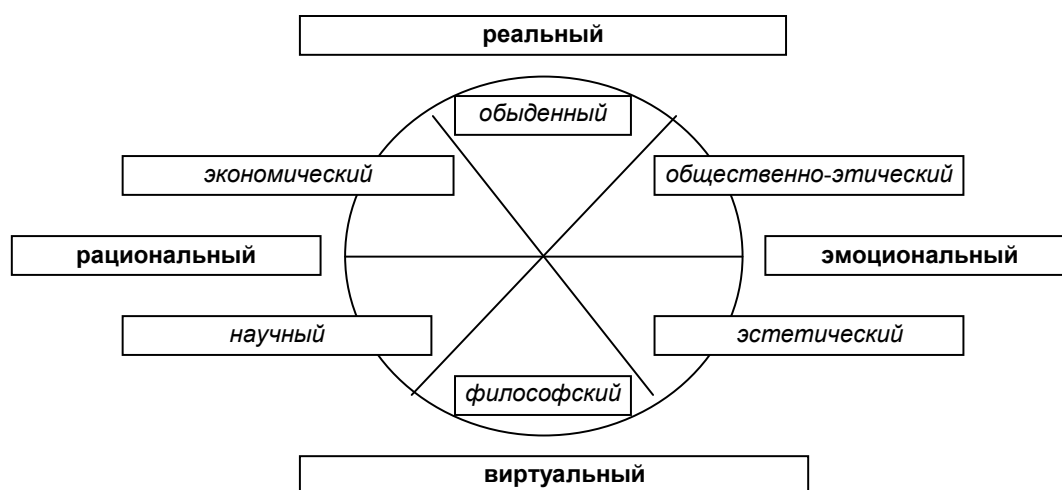
Понятие и сигналы, как стороны функционального отношения, образующего знак, представляют собой основу языковой системы, которая, будучи информационной системой, обладает отрицательным характером. Уже сама выше приведенная схема Фердинанда де Соссюра показывает, что языковые знаки имеют право на существование только в качестве оппозиции. Это видно на каждом языковом уровне – фонологическом, морфологическом, а также семантическом. Следовательно, каждое из рассмотренных понятий должно быть сопоставленным – в методическом смысле – с оппозиционным понятием *А* есть *X*, но не *Y* или *Z*.

Следует также отметить, что разнообразные понятия (*а* также и слова – знаки), могут находиться в более широком, прагматико-деятельностном контексте. Различные понятия функционируют в рамках различных областей человеческого опыта. Почему мы об этом говорим? Фердинанд де Соссюр, объясняя применение исторического метода (предполагающего рассмотрение языковых явлений в рамках целой, но подверженной изменениям системы) в морфологии, предостерег от т.н. анахронической ошибки. Она заключается во

влиянии одной морфологии на другую, а, следовательно, на переносе собственных схем языкового мышления на прошлые формы языка. Тяжело сказать, насколько мы можем избежать этой ошибки. Поэтому, если мы не можем отнести прошлых форм к собственной картине мира, то к чему мы должны их относить? Постулат швейцарского лингвиста достоин поддержки, но только в том случае, когда нас интересуют не только системные отношения форм, но и понятий. Применение исторического метода становится менее реальным и более сомнительным с диагностической точки зрения. Отсюда самым разумным и, скажем, самым безопасным с исследовательской точки зрения нам кажется подход Бодуэна де Куртенэ. Он утверждал, что наиболее эффективным средством познания истории языка является изучение его современного состояния. Разве это не так, что понимание механизмов, управляющих живой, сегодняшней речью, может нам подсказать больше, нежели кропотливое изучение иероглифов?

В связи с этим мы предлагаем, чтобы концептуальный анализ осуществлять согласно двум основным принципам. Во-первых, придадим ему ретроспективное направление, т.е. начнем с того, что актуально, и будем идти назад, насколько это возможно. Во-вторых, разместим реконструированные понятия в области сферы человеческой деятельности. Одну из таких типологий предложил О. В. Лещак в своей книге „Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia”. Согласно ей в рамках человеческого опыта можно выделить три оппозиционные типологические группы опытных сфер: а) реальную (к которой принадлежит экономическая, обыденная и общественная жизнь) и виртуальную (наука, философия и искусство), б) рациональную (наука и экономическая жизнь) и эмоциональную (общественная жизнь и искусство), а также с) внутренне и внешне мотивированная (любая из перечисленных выше) [ср. 5, с. 181].

Схема типологии сфер человеческого опыта О. В. Лещака

Каждый из вышеперечисленных видов человеческой деятельности связан также с определенным типом дискурсивного кода, или даже совокупностью отдельных типов – разговорный язык (идиостиль), политический, научный и философский дискурсы, разнообразные виды профессиональных жаргонов и общественных социолектов – сленгов. Кроме того в рамках различных дискурсов функционируют соответствующие им специфические понятия (представляющие концептуальный аспект языкового знака), что имплицитно подразумевает принципиальное различие лексикона каждого из дискурсивных кодов.

Теперь можно приступить к конкретному концептуальному анализу на основании вышеописанных методологических и методических предпосылок. Однако перед этим следует отметить, что выбор лексемы, которая стала бы объектом исследования, был непростым. Мы старались подобрать такую лексическую форму, которая являлась бы «общей» (как для современников, так и для прошлых и даже очень отдаленных поколений). В связи с этим мы выбрали форму ZIEMIA, которую будем рассматривать на основе статей из выбранных нами словарей польского языка и этимологических словарей польского языка.

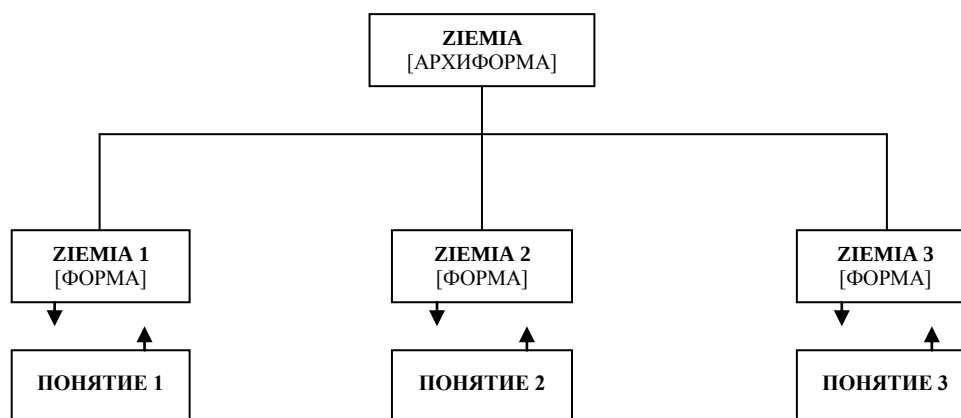
Исследуемые нами словари польского языка II пол. XX века (начиная от словаря Дубиша, вплоть до словаря Дорошевского) подают ряд различных значений под формой ZIEMIA (в принципе соотносимая с русской формой «земля»), которые, в обобщенном виде, мы попытались представить ниже:

1. ZIEMIA как планета¹
2. ZIEMIA как грунт, пространственная основа жизни растений
3. ZIEMIA как пространственная база, пол, то, по чему ходят
4. ZIEMIA как суша – в отличие от водных пространств
5. ZIEMIA как страна, государство, пространство, место жительства какой-то общины, территориальная административная единица
6. ZIEMIA как частная или государственная собственность, приносящая доход от растениеводства или иных форм хозяйствования.

Рассматривая с концептуальной точки зрения приведенные выше толкования оказывается, что форма ZIEMIA в польском языке II пол. XX века может сочетаться с по крайней мере шестью различными понятиями (о чем речь пойдет дальше). Удивляет также предлагаемая авторами последовательность значений, которую мы сохранили в предыдущем обзоре. Следует задуматься: разве для человека, выросшего в деревне, для которого земледелие это единственное занятие, именно первое астрономическое значение данного термина будет «основным» и наиболее «общим»? В какой степени каждый из нас в повседневной жизни, говоря «ZIEMIA», также имеет в виду землю в астрономическом плане? Сомнительно. Отсюда и постулат, чтобы каждое из понятий, входящих в отношение с формой ZIEMIA объяснять в отношении к виду дискурсивной деятельности, в рамках которой оно функционирует.

Однако, перед тем, как это сделать, мы предлагаем применить определенный методический прием, который мы называем рабочим названием *архиформа*. Она представляет собой **исходный исследовательский субстрат**, с которым мы сталкиваемся во время исследований значения определенного знака. Перед тем, как определить конкретное соотношение формы к понятию, мы должны провести семантическую редукцию, которая позволяет наблюдать за всеми доступными в ходе анализа текста связями данной архиформы (которая, как чистая форма, не обладает никакой семантикой, поскольку не является еще стороной знака) с понятиями, и тем самым показать ее уже в функции формы языкового знака. Может быть это подтвердит упомянутое предупреждение де Соссюра о анахронической ошибке.

Приведем схематическое представление **архиформы** как исходного субстрата, являющегося потенциальной формой языкового знака.

Концептуальный анализ начнем с того, что в нашей жизни кажется самым обычным и повседневным – от реконструкции понятия, функционирующего в рамках повседневной жизни (часть реального опыта – по типологии О. В. Лещака). ZIEMIA здесь определяется как «то, по чему ходят, место, на которое наступают при ходьбе». Примеры предложений:

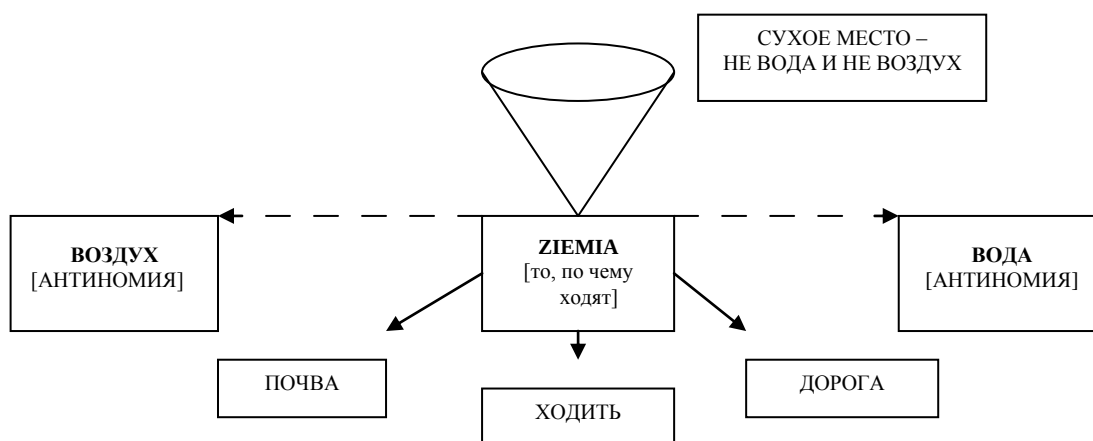
¹ В настоящей работе все примеры взяты из польского языка (прим. переводчика).

- а) *Idź po ziemi (po suchym), nie po kałuży.*
 б) *Upadłem na ziemię (na chodnik, na podłogę).*
 в) *Tupnął nogą o ziemię.*

Здесь заметна антиномия, которая негативно определяет (конечно, не в аксиологическом смысле) значение вышеуказанного понятия. Так вот, ZIEMIA противопоставлена воде, переувлажненным местам, по которым невозможно ходить, а также воздуху, как пространства, в котором можно только летать. Давайте рассмотрим референтивный и категориальный аспект понятия ZIEMIA 1:

ZIEMIA 1

(грунт, твердое место, по которому ходят – **обыденный опыт**)

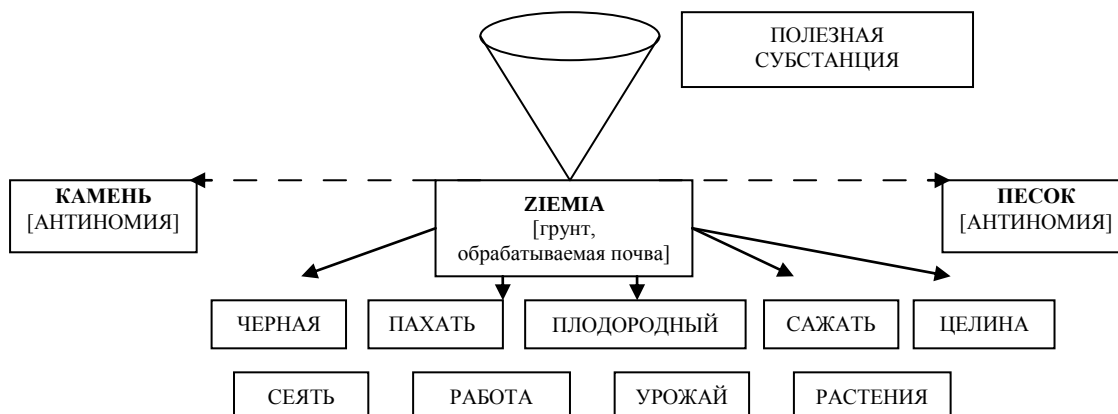

Следующим понятием, которое необходимо выделить из-за его значения и функционирования в пределах типов человеческой деятельности, является понятие, которое определяет землю как обрабатываемую в сельскохозяйственных целях субстанцию, грунт, находящийся на определенной территории (части ZIEMIA 1), связанный с выращиванием растений, дающих продукты питания и т.д. Соответственно антиномическими понятиями к этому являются *песок* (или *глина*) и *камень* как субстанции, непригодные для земледелия.

- а) *Tu są same kamienie, na tej ziemi nic nie wyrośnie.*
 б) *Sam piach, nie ziemia.*

ZIEMIA 2

(почва, грунт, поле – **экономический опыт 1**)

Между понятиями ZIEMIA 1 и ZIEMIA 2 можно заметить еще одну знаменательную разницу. ZIEMIA 1, т.е. «то, по чьему ходят» обычно понимается как плоскость, т.е. как ширина и длина (горизонтальным образом). В случае понятия ZIEMIA 2 добавляется еще одно измерение – глубина. Земля это место, в которое можно что-то зарыть, которое можно сеять, которое можно копать, из которого что-то вырастает (но и то, куда можно хоронить мертвых). Это различие можно легко заметить в сочетаниях существительного ZIEMIA с предлогами:

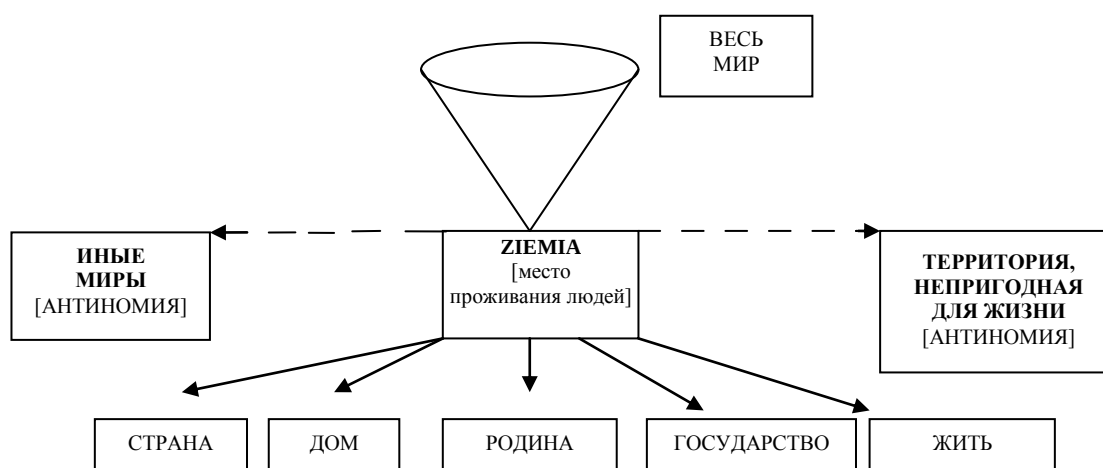
- а) *Chodzić po ziemi. Stać na ziemi*, но
- б) *Posiać w ziemi. Wyrastać z ziemi* и т. д.

Следующее понятие земли функционирует в пределах социальной сферы человеческой жизни, сопровождаемой, в основном, эмоциональным типом деятельности (позволяющим создавать и поддерживать межличностные отношения). В этом случае мы можем выделить следующие взаимозависимости между категориальной и референтивной сферой данного понятия, которая сочетается со значением «местность, пространство проживания людей», напр.:

- а) *To moja rodzinna ziemia.*
- б) *Ziemie Masajów leżą w Afryce Wschodniej.*

ZIEMIA 3

(реальное или потенциальное место проживания людей – **общественный опыт**)

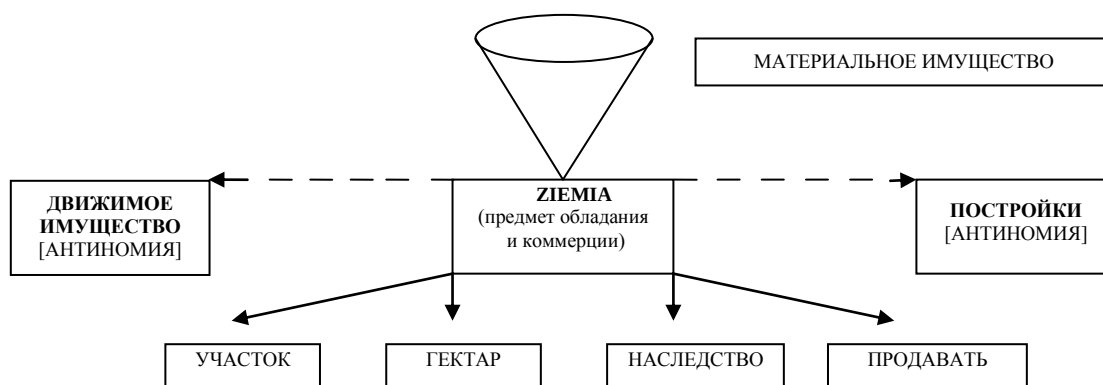
Тут следует совершить некое обобщение. Итак, три вышеприведенных понятия являются наиболее репрезентативными для областей деятельности, смежных с реальным типом опыта. Из них можно вывести понятие ZIEMIA 4, которое в значительной степени приближается к границе виртуального опыта, направленного в сторону информационной сферы действительности. Здесь речь идет о понимании земли в абстрактно-экономических, административно-правовых категориях, в которых данный объект ассоциируется с материальными ценностями, понимается как предмет обмена или торговли, напр.:

- а) *Ta ziemia warta jest sto tysięcy złotych.*
- б) *Mam dwa ary ziemi do sprzedania.*
- в) *Kupiłem ziemię (działkę) pod budowę domu.*

Стоит добавить, что земля в экономическом аспекте может представлять собой не только предмет торговли, но и политических споров, касающихся военных экспансий, и в этом смысле напрямую сближается с понятием ZIEMIA 3.

ZIEMIA 4

(материальная ценность, недвижимость, товар – **экономический опыт 2**)

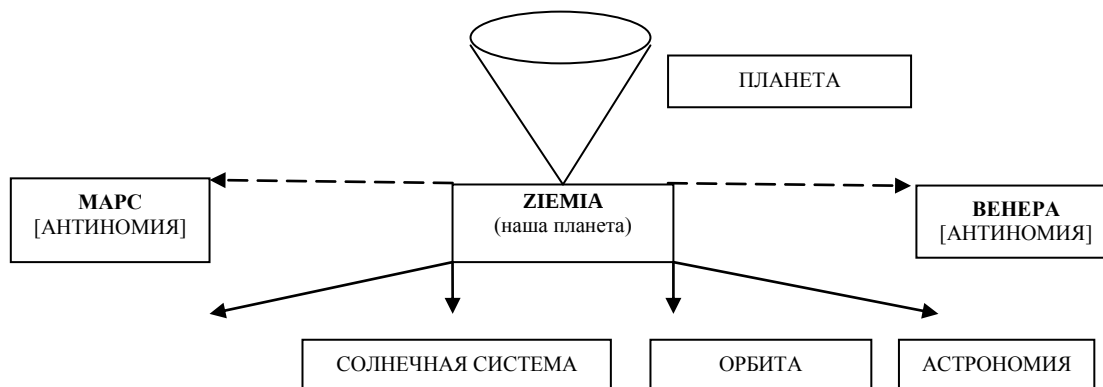
Общему количеству реконструированных нами понятий, которые являются репрезентативными для реальной сферы опыта, можно противопоставить понятие, свойственное чисто виртуальной сфере и функционирующее в пределах науки. ZIEMIA 5 ассоциируется со значением «планета, земной шар», которые отражают предложения:

- а) *Kiedyś ludzkość będzie zmuszona opuścić Ziemię w poszukiwaniu nowych światów.*
- б) *Ziemia to trzecia planeta od Słońca.*
- в) *Asteroida przeleciała tuż obok Ziemi.*
- г) *Magellan jako pierwszy opłynął Ziemię dookoła.*

Категориальная и референтивная сторона этого понятия представляется следующим образом:

ZIEMIA 5

(небесное тело, планета – **научный опыт**)

Однако следует отметить, что понятие ZIEMIA 6 также заметно продвинуто в сторону виртуальной сферы опыта, а именно в сторону мировоззрения. Понятие ZIEMIA 6 ассоциируется с земной жизнью людей, с земной юдолью, в оппозиции к тому, что, с одной стороны, вечное и бессмертное и что свойственно прежде всего т.н. «небу» или «аду» (потустороннему, загробному миру), а с другой, – с представлениями об иных мирах (все зависит от мировоззрения или философских представлений). Такое понятие может оставаться в рамках общественного опыта, а точнее говоря, социально-религиозного (быть частью религиозных или культурных стереотипов), но может становиться основой для космогонической или философской рефлексии с четко выраженным виртуальным характером. Конечно, здесь речь идет не о философии в стиле Хайдеггера или Ницше, но о основных вопросах, касающихся человеческой жизни, которые, наверное, каждый из нас когда-

нибудь задавал себе: о смысле земной жизни, о смерти, может быть даже размышления над спасением души или карой, о *sacrum* и *profanum* и т.д.

Может удивлять, почему это понятие мы решили объяснить только в данный момент (а не перед научным понятием). Оказывается, что большинство современных словарей, вплоть до труда Дорошевского, полностью игнорирует это значение или рассматривает его как часть более широкой единицы, так как напр., в словаре „*Inny słownik języka polskiego*”:

„8 Слово **земля** мы используем также в словосочетаниях, связанных с чьей-то смертью **8.1** : Говорим, что кто-то *почил в земле*, если он умер и был похоронен. Книжное выражение (...) **8.2** Говорим, что кто-то *ушел в землю*, если он умер или погиб. Разговорное (...) **8.3** Говорим, что кто-то *покоится в земле* или *гниет в земле*, если кто-то умер и был похоронен. Разговорное. **8.4** Говорим „Пусть ему, ей, вам и т. д. *земля будет пухом*, когда мы прощаемся с умершим во время похорон или вспоминаем покойника (...)”.

В качестве одного из основных значений указывают его, в свою очередь, словари конца XIX-начала XX веков. В *Словаре польского языка* М. Аркта говорится, «(...) также планета как прижизненное место существования людей, в противоположность жизни потусторонней, земная жизнь (...)» [1, с. 638]. Также в *Словаре польского языка* под ред. А. Крынского, Я. Карловича и В. Недзведского *ZIEMIA* (в одном из толкований) определяется как: «(...) временный мир, земная юдоль» [9, с. 498]

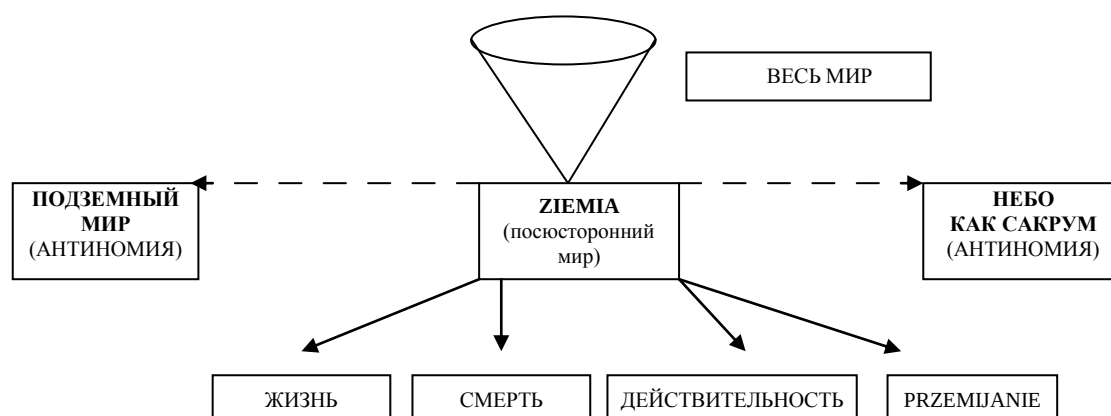
Как антиномическое понятие – наряду с «небом» – можно выделить также «подземный мир». Это также подтверждает *Словарь польских говоров* (поль. *Słownik gwar polskich*) Карловича, изданный в то же время: «Умерший, становясь демоном, после определенных обрядов перестает ходить по земле, но ходит в земле, т.е. под землей [*podziemie*]».

В этом месте проблематичным становится предположение об идентичности понятия, отнесенного к форме *podziemie*, которое функционирует среди исследуемых Карловичом жителей деревни, и понятием *ZIEMIA* 6, функционирующим в сознании, напр., жителей городов или образованных слоев населения. Конечно, можно предположить, что определенное религиозное сознание или, как в случае вышеприведенной цитаты, религиозно-мифологическое сознание в начале XX века было сходным в области ряда понятий, связанных с жизнью (*na ziemi*) и смертью (*pod ziemią, w grobie*), а также добром (*niebo* – верх) и злом (*piekło* – низ).

Таким образом понятие *ZIEMIA* 6 можно объяснить на фоне обоих перечисленных антиномий:

ZIEMIA 6

(место человеческой жизни – общественно-религиозный и мировоззренческий опыт)

Следует однако подчеркнуть, что речь здесь идет лишь о предположении некоторых сходств, а не об убеждении, потому что, если уже во II половине XX века в словарях этого

значения не было или оно было совершенно маргинализировано, то это, по крайней мере, может свидетельствовать о двух моментах:

а) в языковом сознании автора словаря понятие остается настолько далеким от всех, существующих на данный момент и связанных с формой *ziemia*, что оно не попадает в отредактированный труд;

б) отсутствие одного из нескольких понятий, связанных с формой *ziemia*, является общей тенденцией, происходящей в языковом сознании отдельных членов данного языкового сообщества в конкретном месте и в конкретное время (здесь можно говорить просто о постепенном выходе понятия из употребления).

Эти размышления приводят к выводу, что путем концептуального анализа только на основе словарей в польском языке XX века можно выделить, как минимум, шесть понятий, которые связаны с омонимической формой *ziemia*, причем одно из них – ZIEMIA 6 – наверное постепенно уходит на периферию семиотического сознания поляков, приближаясь к исчезновению. Однако это только гипотеза, которую нужно подтвердить путем отдельных исследований.

С прагматико-функциональной точки зрения все возможные сочетания будут представлять собой отдельные лексические единицы, т.е.:

ПОНЯТИЕ 1 + ФОРМА ZIEMIA = знак 1 «то, по чем ходят» (натуральная твердая поверхность передвижения)

ПОНЯТИЕ 2 + ФОРМА ZIEMIA = знак 2 «грунт, обрабатываемая почва»

ПОНЯТИЕ 3 + ФОРМА ZIEMIA = знак 3 «территория проживания»

ПОНЯТИЕ 4 + ФОРМА ZIEMIA = знак 4 «базовая натуральная недвижимость, материальное благо, товар»

ПОНЯТИЕ 5 + ФОРМА ZIEMIA = знак 5 «планета»

ПОНЯТИЕ 6 + ФОРМА ZIEMIA = знак 6 «место жизни человека»

Возвращаясь к идее прошлого, мы сталкиваемся с еще одним, существенным языковым свидетельством, каковым является *Словарь польского языка* М. С. Б. Линде. В нем можно найти несколько иные оттенки значений в толковании термина *ziemia* в сравнении со словарями XX и XXI века. Итак, кроме вышеуказанных, здесь было отмечено значение 'стихий' [пол. *żywieć*]. Как можно реконструировать функционирующее во времена Линды и таким образом трактуемое им понятие земли? Основываясь на словаре этого сделать нельзя, потому что, если при дефиниции слова *żywieć* (стихий), с одной стороны, мы находим информацию, о том, что это слово производно от слова *żyć* ['жить'] (обладающего квантификатором, относящимся к существительному *życie* 'жизнь'), а с другой – объяснение лексемы *żywieć*, *żywieć* как «представитель единицы, элемент», то можем ли мы на основании этого осуществить какой-либо относительно адекватный концептуальный анализ, который раскроет нам категориальную и референтивную сторону данного понятия? Чего элементом или представителем должен быть *żywieć* ['стихий']? В современных словарях польского языка находим информацию, что *żywieć* это «сила и проявление природы», «круг чьих-либо интересов», «люди, образующие данную национальную или дружескую среду», говорят о «стихии эпохи» и т.д. Можно, конечно, говорить о стихии в разных аспектах: астрологическом (отношение стихии и знаков зодиака), философском (стихия как *arché*, т.е. принципы, на которых основана вселенная), мифологическо-религиозном (благодатный огонь, очищающая сила воды и т.д.), но, пытаясь толковать в этих категориях анализируемую форму *ziemia* в толковании Линде, мы предлагаем использовать нашу понятийную сетку и применить ее для неясного для нас понятия. Обращаясь к нашей языковой и семиотической компетенции, мы замечаем препятствие познавательного характера, потому что, какую совокупность понятий, функционирующих в сознании людей, живущих в XVIII и XIX веке (в том числе Линде) можно было бы отнести к форме или омонимическим формам ZIEMIA? Конечно, в какой-то степени эту проблему может решить тщательный анализ обширного корпуса текстов этой эпохи. Однако тут возникают, по крайней мере, два вопроса методологического характера:

а) в какой степени современные реплики могут являться аналогичными состоянию этой концептуальной сферы;

б) со сколькими из ныне существующих отношений понятия А, В, С и т.д. с формой ZIEMIA будут совпадать сочетания, существовавшие в сознании поляков на рубеже XVIII

и XIX веков, а которые их бытовавших некогда понятий мы вообще не встретим в корпусе данных (а ведь такую ситуацию тоже нельзя исключать).

Приведем пример. Находящееся в словаре Линде, значение термина *ZIEMIA* как части воеводства (неизвестное до последнего времени) в большинстве современных словарей польского языка или не указывается, или объясняется как устаревшее, архаичное. Таким образом, в нашем языковом сознании и (как мы считаем) в сознании людей нашего поколения понятие «часть воеводства» в отношении к форме *ziemia* не функционирует. Однако, данное понятие можем соотнести с ныне функционирующими формами *powiat* или *gmina* со сходным категориальным значением. Тем не менее, нельзя быть уверенным, что данная единица может быть адекватным тому понятию, которое было у Линде и его современников.

Очень интересное значение лексемы *ziemia*, относящееся к еще более древним временам, можно найти в *Старопольском словаре (Słownik staropolski)*. Первое приведенное толкование – это: «(...) согласно представлениям тех времен все, что находится под небом, земной мир» [10, с.357-363]. На первый взгляд здесь можно заметить сходство с современным значением *ZIEMIA* 6 – ‘место, противопоставленное небу’ и ‘земной мир’. Интересным является некоторое пространственное представление: *то, что под небом*. У нас такое впечатление, что небо – в этих категориях – представляет собой некий непробиваемый или непреодолимый барьер, границу реальности, рассматривается как «предметная, материальная» сущность (если можно вообще говорить о градации понимания такой сферы в терминах более или менее материальных), в отличие от современных представлений, когда своды небесные не считаются каким-то ограничением в освоении мира или познавательным барьером, не является «крышей» земного пространства, а чем-то эфемерным и вполне преодолимым. Может быть наше понимание вытекает из наблюдений над представлениями мира позднесредневековыми живописцами, которые воспринимали мир как окруженное и ограниченное небесной сферой (в которой живет Бог) пространство. Нам бы хотелось, чтобы этот пассаж заставил нас задуматься: соответствует ли современное понятие о земле как того, что *под небом*, понятию, функционировавшему в рамках картины мира людей средних веков (хотя и здесь опять мы совершаем значительное обобщение и упрощение).

Приведенный выше анализ был попыткой объяснения лишь мелкого фрагмента т.н. исторической реальности. Здесь мы брали во внимание исключительно возможность реконструкции концептуальной сферы. Подытоживая наблюдения, хочется обратить внимание на то, что прагматико-функциональный подход к историко-лингвистическим рассуждениям в духе Фердинанда де Соссюра, а также Бодуэна де Куртенэ вскрывают целый ряд познавательных барьеров. А ставит их перед нами сама сущность человека: определенная картина мира, наше сознание и культурная компетенция и, наконец, говоря языком Канта, ограниченный разум, который не может проникнуть в действительность *саму-в-себе*. В случае историко-лингвистических исследований, таковой является, конечно, прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ankersmit F. *Język a doświadczenie historyczne*, [w:] F. Ankersmit, Narracja, reprezentacja, doświadczenie. Studia z teorii historiografii, pod red. E. Domańskiej, Kraków 2004.
2. Arct, M. *Słownik języka polskiego*, Warszawa 1929.
3. Dubisz, S. *Strukturalna interpretacja ewolucji systemu gramatycznego polszczyzny*, [w:] *Polszczyzna piękna i interesująca*, pod red. S. Cygana i E. Koniusz, tom 1, Kielce 2006.
4. Kossecki, J. *Metacybernetyka*, Kielce-Warszawa 2005.
5. Leszczak, O. *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia*, tom I. Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwosemiotycznych, Kielce 2008
6. Leszczak, O. *Ontologia informacji w aspekcie funkcjonalno-pragmatycznym*, [w:] Książka. Biblioteka. Informacja. Między podziałami a wspólnotą, II, Kielce 2011.
7. Leszczak, O. *Szkic typologiczny metodologii nauk humanistycznych*, „The Peculiarity of Man”, vol. 6, Przeciwnieństwo drugie: „Prawda” i „fałsz”, Kielce-Warszawa 2001
8. Saussure, F. de, *Szkice z językoznawstwa ogólnego*, Warszawa 2004.

9. Słownik języka polskiego, pod red. A. Kryńskiego, J. Karłowicza, W. Niedźwiedzkiego, Warszawa 1953.
10. Słownik staropolski, red. nacz. S. Urbańczyk, Kraków 1995, tom 10.
11. Topolski, J. Metodologia historii, Warszawa 1984.
12. Бодуэн де Куртенэ, И. А. *О психических основаниях языковых явлений*, [в:] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, том II. – М., 1963.
13. Бодуэн де Куртенэ, И. А. *Язык и языки*, [в:] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, том II. – М., 1963.
14. Кант, И. *Логика., Лекции*. [в:] Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1994.
15. Лещак, О. В. *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. – Тернополь, 1996. – С. 188-196.
16. Сепир, Э. *Статус лингвистики как науки*, [в:] Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии, – М., 1993.